

Ф. А. Вестов*, О. Ф. Фаст**

Правовое государство как критерий модернизации России

В научных дискуссиях по проблемам правовой государственности в России на вопрос «Зачем нам нужно правовое государство?» исследователи довольно часто дают ответ: чтобы соответствовать стандартам культурности, демократичности, в широком смысле — цивилизованности. Этот ответ обнаруживает, что патерналистские установки, упование на то, что именно государство решит все проблемы за себя и за общество, свойственны интеллектуальному сообществу России в не меньшей мере, чем массовому сознанию, по отношению к состоянию которого интеллектуалы всегда высказывались и высказываются довольно критически¹.

Парадоксально, но такой ответ предполагает, что мы обладаем достаточно системным представлением о мировом опыте функционирования правовых государств и столь же системным представлением о том порядке действий, в результате которых на свет «должно» появиться правовое государство в России. Однако разнообразные по времени и месту действия эксперименты с правовой государственностью в теории и на практике привели к достаточно противоречивым результатам.

Во многих странах правовое государство действительно стало основой стабильного политического и экономического развития. Однако так обстоит дело далеко не везде. В России, например, на протяжении последних двух веков попытки создания правового государства оборачивались кризисами, социальными конфликтами и легитимацией в массовом сознании режимов, ориентированных на неправовые принципы политики и управления. В связи с этим известные российские исследователи проблем государственности и демократии утверждают: «Считается, что без государства демократия невозможна. И в общем плане это, конечно, верно: демократия не может существовать в “безгосударственном” пространстве, она в качестве современной практики является вариантом взаимосвязи государственных и гражданских институтов. Однако в существующей теоретической и эмпирической литературе нет достаточно четкой концептуализации и дифференциации типов государственности и их взаимосвязи с вариантами и траекториями режимных изменений»².

Ожидаемая системность не кроется за данным утверждением уже потому, что стандарты демократичности и цивилизованности никто никогда не устанавливал, никто обязательной зависимости между демократическим и правовым характером государственности не обнаруживал. Точно так же, как не обнаруживается такой жесткой взаимозависимости демократии и рыночной экономики. Та и другая связи существуют в сознании современников как некое допущение, преимущественно теоретическое, точнее сказать — идеологическое. Оно позволяет предполагать и, если говорить о его идеологической направленности, верить, что светлое

* Заведующий кафедрой уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, профессор.

** Доцент кафедры гражданского и семейного права Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

¹ См.: Вестов Ф. А. Политика формирования правового государства: противоречия и перспективы / под ред. Н. И. Шестова. Саратов, 2012. С. 45–46.

² Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Политические исследования (Полис). 2012. № 2. С. 14.

будущее человечества связано с демократией и ни с чем другим. Верить, что и движение к этому будущему не будет хаотическим, а будет введено в определенные рамки, выверенные наукой.

Однако эта позиция, при всей ее уязвимости, выдает существование в научном сообществе потребности в неких четких индикаторах, по которым наука могла бы определять направленность и меру прогресса современных социально-политических систем, меру их приближения к тому самому светлому демократическому будущему. Должно быть что-то, выполняющее, образно говоря, роль сертификата качества политических отношений, позволяющее идентифицировать в политическом процессе лидеров и аутсайдеров или тех, кто принципиально идет своей политической дорогой. Таким «сертификатом качества», как нам представляется, стало правовое государство (в качестве идеи и в качестве определенного институционального оформления политических и административных процедур).

В связи с этим еще одной «дежурной» темой для исследований, проводимых отечественными политологами, стала модернизация всех сфер общественной жизни в России. Обсуждается смысл, который можно и нужно вложить в это понятие, спектр тенденций в экономике, культуре и политике, которые можно было бы подвести под это понятие, изменения в мотивациях поведения граждан и многое другое. При этом, как представляется, остается в стороне важный для изучения российского политического процесса вопрос: модернизация не может длиться вечно, и если нам известен начальный момент этого процесса, которым формально можно считать официальное провозглашение курса на модернизацию, то относительно конечного момента существует полная неясность. Когда и на основании каких показателей модернизацию можно будет признать законченной? Нужен ряд индикаторов, по которым не только специалисты, но и рядовые граждане в массе своей могли бы судить о реализованности одной из важнейших стратегий современной политики. Причем такой индикатор, значимость и достоверность которого ни у кого из внешних и внутренних наблюдателей российского политического процесса не вызывала бы сомнений.

На наш взгляд, единственным претендентом на роль такого индикатора может быть государственный механизм. Представители различных наук об обществе в дореволюционной России, а впоследствии и вся система государственной идеологической пропаганды советского времени так долго прививали массовому сознанию подданных и граждан Российского государства мысль, что все в их прошлом, настоящем и будущем определяется состоянием государства, что это убеждение действительно стало частью ментальности российской нации. Тем более, что исторический опыт самой нации этому убеждению не противоречил. Другим аргументом выступает то обстоятельство, что государство является осью движения всей политической системы. По ней можно судить о том, пришла ли система в состояние, при котором она может двигаться вперед со скоростью, превышающей прежнюю. Переход государственного механизма в новое качество, обозначаемое понятием «правовое государство», до сих пор служит для политологов, историков и правоведов точным индикатором для определения того рубежа, на котором жизнь большинства европейских социально-политических систем повернула в либерально-демократическое русло. Следовательно, нет формальных препятствий к тому, чтобы и для оценки состояния модернизационного процесса в современной России использовать этот индикатор.

Использование такого масштабного и сложного по внутренней организации индикатора сопряжено с необходимостью научного анализа ряда

принципиальных проблем. Первую из них можно сформулировать следующим образом. Если принять во внимание, что речь идет о приобретении правового качества не государством вообще, а именно либерально-демократическим государством, каковым на протяжении последних десятилетий постепенно и с большими трудностями становилось Российское государство, то допустимо предположить, что, как минимум, функция ключевого индикатора могла бы быть распределена между социальными и государственными механизмами, между их состояниями на том этапе модернизации, который политолог собирается оценивать. В русле такого подхода в истории европейской и российской науки демократически настроенными исследователями из числа историков, социологов и политологов неоднократно предпринимались попытки написать вместо «истории государств» альтернативные «истории народов». Также неоднократно вместо разработки политических программ реформирования государственного строя имели место попытки разработать планы замены государственного управления общественным самоуправлением. Конечно, не прямо, но вопрос этот был поставлен наукой достаточно давно.

За и против такого допущения также можно привести некоторые аргументы. В европейской истории судьбы государств складывались по-разному. Бывало так, что государство на длительных отрезках политической истории действительно выполняло роль системообразующего центра всей политической, экономической и культурной жизни, когда люди были искренне убеждены, что без верховной власти жить нельзя, так же как в свое время не могло быть «земли без сеньора». Порой, как это было с Французским королевством в период Столетней войны, с Английским королевством при Иоанне Безземельном и в период войны Алой и Белой Роз, с Польшей и Венгрией в XVIII и XIX столетиях, государственность напротив, становилась «разменной монетой» в борьбе политических интересов и амбиций различных элитарных и социальных групп. По-разному складывалась в истории и судьба европейских социумов. Они разными путями шли к политической идентичности (идентичности нации) и достигли на этом пути различных результатов. Результатов, вполне сопоставимых по своей противоречивости с результатами развития государственных начал европейской жизни.

Наука учитывала эту историческую вариативность политической субъектности социумов и государств. Уже в XVII–XVIII столетиях европейские мыслители предпочитали говорить о «народах» и «странах» во всемирной истории и «государствах», чья судьба зависит от «характера народов» и климатических характеристик «стран»¹. Государства в Европе превращались для науки во всеобщий эталон политического прогресса по мере того, как становились национальными, становились гарантами реализации национальных интересов во внутренней и внешней политике. Именно вокруг этого выстраивалась вся системность представлений о государстве и на этой почве рождалось мнение, что системность права, достигнутая к этому времени, может быть перенесена на государство и на представления о государстве. Главным критерием оценки выступал признак, в соответствии с которым само это государство должно стать правовым, подчинить систему своих действий и интересов системе правовых норм.

Почему так сложилось, что системность представлений о праве была перенесена наукой на государство, а не на «народы», о которых любили рассуждать

¹ См.: Бобкова М. С. Периодизация западноевропейской истории в сочинениях мыслителей XVI–XVIII веков // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 109–126.

европейские мыслители прошлого? Вероятно потому, что если за критерий взять состояние другого ключевого субъекта исторического процесса, т. е. общества, то корректность использования этого индикатора в качестве универсального будет под еще большим вопросом. Не случайно, когда у сторонников идеи цивилизационной самобытности того или иного пути развития возникала в прежние времена и сегодня возникает потребность эту самобытность доказать, они обращались и продолжают обращаться к чертам особенности социальной структуры в разы чаще, чем к чертам особенности государственной структуры. На наш взгляд, обусловлено это тем, что любой, даже самый «типичный» социум (настолько типичный, что исследователи считают возможным говорить о соответствии его неким «стандартам» демократичности и гражданственности) в реальности всегда оказывается гораздо более сложным и уникальным образованием, чем самое «самобытное» из государств.

Современные процессы политической, экономической и культурной глобализации выявили тенденцию к тому, что государственная организация с точки зрения универсализма существенно упрощается в своих принципах и формах. То и другое применением военной силы, «мягкой силы», экономическим и культурным давлением на национально-государственные элиты и массовое сознание приводится в соответствие не слишком приспособленному к гибкому реагированию на региональные государственные особенности «стандарту цивилизованности, демократичности и прогрессивности», который был порожден геополитическим лидерством США в XX столетии и сегодня отражает это сохраняющееся доминирование.

Общества же, напротив, усложняются. Не только за счет миграционных потоков¹, которые вместо превращения либеральных социумов в «плавильный котел» этнических идентичностей превращают их в поле жесткой конкуренции за доминирование одних этно-культурных, правовых и экономических идентичностей над другими. Но и за счет того, что они развиваются в качестве гражданских структур, которым универсализирующееся в своих функциях государство передает добровольно или вынужденно (в результате «цветных революций» и международных конфликтов, например) все больше прав и ответственности в области текущей политики и управления и тем стимулирует возникновение новых социальных, идеологических, правовых и культурных стратификаций.

Специалисты видят в этом принципиальное отличие современного этапа мирового демократического процесса от его предшествующих этапов. Если раньше

---

¹ В конце прошлого века известный специалист по геополитике Жак Аттали прогнозировал, что век наступающий будет временем «неокочевников». Он имел в виду определенную комбинацию основных тенденций в развитии мировых миграционных процессов, суть комбинации состоит в том, что сливаются два уровня стимулов к массовым миграциям. Один уровень стимулов формирует хроническая нищета большинства стран «третьего мира», и массовая эмиграция в развитые страны Запада становится своеобразным историческим реваншем «третьего мира» над бывшими колониальными метрополиями. Другой поток формируется на уровне политических, экономических и культурных элит. Богатые собственники и топ-менеджеры, обладатели эксклюзивной интеллектуальной собственности в условиях унификации систем обмена информацией и управления социально-политическими и экономическими системами свободно мигрируют по планете вслед за движениями капиталов. Причем, современная виртуализация процессов в финансовой сфере создает для такого рода миграций очень благоприятные условия, делает их в полном смысле массовыми. Таким образом, формируется совершенно новая стратегия социальной стратификации, следствием которой является изменение самого смысла, который сегодня наука вкладывает в понятия «общество» и «элита». (См.: *Халидов Д. Ш.* Глобализация и миграция. Уроки Запада // *Обозреватель — Observer*. 2012. № 2. С. 7).

общество в борьбе за свою политическую субъектность опиралось на революционную или какую-то другую идею, его политическое поведение было идеологически мотивированным, то нынешние цветные революции являются «безыдейным процессом»¹.

В центре системы мотиваций сегодня находится создание новых социальных структур, особенно элитарных, новых форм гражданского ассоциирования. При том, что во всех этих новых формах не заложено какой-либо новаторской идеи, какого-либо новаторского проекта будущего. Идейно они часто ориентированы на реанимацию социальных традиций. Зато в них заложено представление о возможности для общества, в отличие от организованного по «либеральному стандарту» государства, бесконечно совершенствовать свою структуру и свои функции на основе традиций и просто потому, что общество первичнее и больше государственного механизма. В этом отношении никакая конституция полномочий общества как политического субъекта и суверена не ограничивает.

Самый «типичный» социум всегда предстает в виде ряда настолько уникальных форм и смыслов организации, что исследователям приходится прибегать к некоторым мистификациям и даже сакрализациям реальности. Говорить, например, об «особой ментальности» данного социума, особом «народном духе». При сравнительном анализе довольно часто обнаруживается, что черты «ментальности» и «духа» у разных социумов примерно одинаковы, особенно, если эти социумы сходны по уровню организации и масштабу своего исторического и политического опыта. Но это не останавливает исследователей, не видящих иных способов привести все многообразие социальной реальности в устойчивую систему смыслов и форм.

Как представляется, определить с прогнозом это большая проблема для политической науки — не получим ли мы в результате нынешней глобализации, содействующей унификации государственного порядка и не ставящей формальных препятствий развитию политических возможностей общества, новую деформацию состояния социально-политических систем? Их было немало за последние триста лет мировой истории и каждый раз они заканчивались насилием обществ над своими государствами. Собственно говоря, пресловутые «цветные революции» в разных частях света выглядят сегодня как проба общественных сил перед грядущим более масштабным социальным натиском на государственное начало в организации современной цивилизации.

С государством исследователям всегда проще. Эта простота находит своеобразное выражение в многообразии теорий, трактующих природу государственного порядка с позиции разных наук. Заметим, что в арсенале у современной науки оригинальных теорий усовершенствования общества существенно меньше, чем теорий усовершенствования государства. Представления о способах построения правового государства, при всей их недостаточности, обладают гораздо большей четкостью, чем представления о способах построения гражданского общества, например, в России.

История политических и правовых учений, которую преподают в российских вузах, практически представляет собой изложение теорий появления, развития и изменений государственного порядка. То же самое можно сказать и о большинстве вузовских курсов по истории России. Государство выглядит более доступным для

¹ Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель — Observer. 2012. № 3. С. 38.

выделения в его структуре и свойствах типических черт, по которым его можно сравнивать с другими системами, с его же прежними состояниями и, таким образом, относительно достоверно прогнозировать его будущее.

Для науки такое прогнозирование жизненно необходимо. В социальных системах типические черты выделить трудно, и сама процедура такого выделения (связанная, например, с популярными делениями современных обществ на развитые и развивающиеся, традиционные и модернизированные, органичные и «расколотые» и т. д.) у самих исследователей обычно вызывает много нареканий. А без такого рода обобщений трудно свести воедино научные представления о том, как и куда движется и движется ли вообще социальная конструкция. Перспектива развития современных социумов прогнозируется менее определенно, чем перспектива развития государств, и в этом смысле с данной областью политического процесса, как представляется, связано гораздо больше политических и общекультурных рисков, чем со сферой развития государства.

Вторая проблема связана с пониманием современной наукой того самого прогресса, который должен осуществиться по ходу российской модернизации и привести нашу страну к новому качественному состоянию всех политических, экономических, правовых и культурных параметров.

Формально вопрос выглядит решенным. В европейском научном сообществе давно сложился консенсус относительно того, что именно прогресс государственности в развитии социально-политической системы олицетворяет прогресс вообще, и, как уже было отмечено выше, именно этот консенсус делает наличие правового государства критерием для определения завершенности либо незавершенности модернизационного процесса (во всяком случае, в его политическом измерении).